

Глава 4

После того, как Шэн Цину исполнилось девять лет, его отец стал совершенно другим человеком.

Когда он был маленьким, отец носил его на руках, целовал, а иногда привозил из города сладости, по одной ему и младшему брату. В доме, где женщинам и гермам всегда доставалась худшая еда, отец тайком передавал ему и матери кусочки мяса под столом.

Но после того как мать потеряла ребёнка и серьёзно подорвала здоровье, отец стал молчаливым и отчуждённым. А затем умер младший брат — и тогда он изменился окончательно.

Взгляд Шэнь Чжигао, обращённый к ним, постепенно менялся: от раздражения — к отвращению, а затем и к ненависти. Шэнь Цин так и не понял, откуда взялась эта ненависть. Ни он, ни его мать ни в чём не были виноваты — так почему же отец смотрел на них так, словно именно они разрушили ему жизнь?

Долгое время Шэнь Цин цеплялся за надежду, что прежний отец, тот, кто носил его на руках и покупал ему сладости, вернётся. Но годы разочарований стёрли эту надежду без остатка, оставив после себя лишь пустоту.

Теперь, глядя на Шэнь Чжигао, на его избитое лицо, искажённое злобой, Шэнь Цин услышал, как тот с раздражением усмехнулся: «Я бы не осмелился это принять. Если я позволю ему поклониться мне, он наверняка затаит обиду и однажды придёт мстить мне и моему сыну».

После всех унижений, пережитых сегодня, побоев от бывших родственников жены и того, что собственный ребёнок встал против него, он утратил последние остатки достоинства.

Его волновал только его будущий сын.

Шэнь Цин тихо, с горькой насмешкой над собой, улыбнулся. Теперь он лишь хотел забыть того отца, который когда-то покупал ему сладости, стереть этого человека из памяти без следа. Он больше не желал чувствовать ни капли мягкости и не хотел цепляться за какие-либо иллюзии.

Опустившись на колени, он сделал поклон Шэнь Чжигао: «Отец, это последний раз, когда я так тебя называю. С этого момента, как только я выйду из этого дома, между нами больше не будет ничего общего. Даже если мы встретимся в деревне, мы будем чужими».

Лицо Шэнь Чжигао помрачнело, и он отвернулся.

Староста деревни Чжао дважды кашлянул и для вида отчитал его: «Что за глупости ты говоришь? Даже если теперь вы живёте порознь, он всё равно твой отец. Встретишь — обязан поприветствовать, без обид, понял?»

Шэнь Цин не ответил и не стал спорить. Он лишь поклонился ещё два раза, затем поднялся и прижал отпечаток пальца к документу о разводе.

Мяо Син и Мяо Ван ждали этого момента. В ту же секунду, как бумаги были подписаны и Шэнь Цин спрятался за них, они повели мужчин из деревни Шицю прямо в дом, чтобы забирать имущество. Они не церемонились — хватали лучшие одеяла, миски и мешки с рисом.

Годовая норма еды на одного человека составляла триста пятьдесят цзиней. На двоих —

семьсот. Но зерно зерну рознь: грубое сорго и отборный рис одинаково считались зерном, однако ценность у них была несравнимой.

Братья Мяо давно всё рассчитали. Они не спорили о весе зерна раньше именно потому, что собирались взять ровно то, что им было нужно, когда придёт время.

Семью Шэнь это застало врасплох. Они едва смирились с потерей семисот цзиней зерна. Их план заключался в том, чтобы подмешать плесневелые бобы, отсыревшую муку и шелуху, лишь бы набрать нужный вес. Но они никак не ожидали, что семья Мяо вообще откажется от переговоров. Те, словно разбойники, распахнули дверь и начали забирать всё, что хотели.

В панике семья Шэнь бросилась их останавливать.

На этот раз старая госпожа Шэнь плакала по-настоящему: «До жатвы ещё далеко! Откуда у нас столько зерна, чтобы им отдать? Если они всё унесут, как мы будем жить? Пусть небеса вас покарают... воры, сплошные воры!»

Братья Мяо не обращали на неё внимания и направились прямо к кладовым.

К этому времени года у большинства крестьянских семей зерна оставалось совсем мало. Осенняя жатва была уже близко, и прошлогодние запасы почти иссякли. Некоторые семьи, не умевшие считать, вообще оставались без еды и были вынуждены занимать у соседей до сбора урожая.

Сбор был изнурительной работой — одними овощами его не переживёшь.

К счастью, семья Шэнь считалась довольно зажиточной. Они припрятали немного лишнего зерна, чтобы во время жатвы питаться получше. К тому же Шэнь Цин тайком сообщил дядям, что в этом году семья Шэнь засеяла более двух му арахисом и собрала почти пятьсот цзиней. Урожай хранился в задних кладовых и ждал, пока его продадут после сбора риса.

Арахис стоил дорого.

Мяо Ван повёл людей прямо к тайнику, чем поверг семью Шэнь в панику. Шэнь Чжигао попытался преградить им путь, но Мяо Ван тут же отшвырнул его пинком: «Дорогу! Это то, что ваша семья должна моей сестре! Мы договорились о семистах цзинях, значит, возьмём ровно семьсот цзиней! Всё считается зерном: и рис, и арахис! Взвесим всё при старосте и Мяо Туншэне, лишнего цзиня не возьмём!»

Староста Чжао, глядя на творившийся хаос, понял, что не хочет иметь к этому никакого отношения. Последнее, что ему было нужно, — оказаться в центре разборки и схлопотать пару ударов.

Медленно пятясь назад, он пробормотал: «Пойду принесу весы. Сейчас вернусь. Продолжайте паковать, только без новой драки».

Быть старостой означало поддерживать порядок, а не строго следить за соблюдением законов. В таких деревнях споры решались кулаками не реже, чем словами. Даже если бы он хотел стоять за справедливость, далеко не все стали бы его слушать.

В конце концов, настоящая сила была у тех, у кого были крепкие сыновья и тяжёлые кулаки. Задача старосты заключалась не в том, чтобы навязывать правила, а в том, чтобы не дать делу зайти слишком далеко.

И, откровенно говоря, Шэнь Чжигао сам переступил черту.

Если бы Мяо Ши была родом из деревни Ланьтан, а не вышла замуж, переехав из Шицю, для Шэнь Чжигао всё закончилось бы куда хуже. В таком случае дело не ограничилось бы несколькими побоями и изъятием зерна — его дом разнесли бы в щепки, а ноги, возможно, переломали бы, и никто бы его не пожалел.

Пока никто не погиб и ни одна из сторон не была разорена полностью, староста не видел причин вмешиваться дальше. К тому же, позволив семье Шэнь сейчас пострадать, можно было удержать других от мысли, что подобные выходки сходят с рук. Если бы разнеслась молва, что мужчины могут по своей прихоти разводиться с жёнами и безнаказанно брать новых, это разложило бы нравы всей деревни.

За пределами двора семьи Шэнь собралась огромная толпа. Люди облепили стены, тянули шеи, словно смотрели праздничное представление. Даже на Новый год здесь не бывало так оживлённо.

Увидев, как выходит староста Чжао, они тут же окружили его, заговорив все разом.

«Староста, что там семья гера Цина творит?»

«О чём они договорились? Шэнь Чжигао и правда собирается жениться на вдове Ли?»

«Не может быть, да? Семья Мяо ему позволит? Ты видел этих братьев? Они целую армию привели! Шэнь Чжигао и Шэнь Чживэя так избил...»

Некоторые, чувствуя себя обиженными за свою деревню, ворчали: «Деревня Шицю совсем обнаглела — пришли сюда и кулаками машут. Думают, в Ланьтане мужчин не осталось?»

Другие, более рассудительные, усмехались: «Шэнь Чжигао — самый настоящий дурак. У него в семье нет недостатка мужчин. Шэнь Чжуан ведь сможет позаботиться о нём в старости. Многие мужчины женились на герах, которые не могли родить, и ничего — не бегали же за вдовами. Что за идиот устраивает такой скандал в его-то возрасте?»

По правде говоря, большинство из них и понятия не имело, что на самом деле происходит во дворе. Они просто пришли поглазеть на суматоху.

Кто-то рассмеялся: «Да как тут не смотреть! Часто ли такое увидишь? Думаешь, у нас каждый день такие представления?»

Связь Шэнь Чжигао с вдовой Ли давно была на слуху — вся деревня о ней знала. Но никто не ожидал, что Шэнь Чжигао действительно осмелится развестись с женой. Такого деревня не видела уже больше десяти лет. В последнее время об этом судачили за каждым приёмом пищи. А теперь, когда братья Мяо привели людей из деревни Шицю, драма достигла своего пика.

Видя, что уйти, ничего не сказав, не получится, староста Чжао тяжело вздохнул и произнёс: «Нет, он её не выгнал. Это развод по обоюдному согласию. С этого дня гер Цин будет жить отдельно с матерью. Семья Шэнь выплачивает компенсацию, сейчас во дворе делят зерно».

Он окинул собравшихся взглядом и предупредил: «Шэнь Чжигао сам виноват — что плохого в том, что братья жены проучили его? Пусть это будет уроком для всех: если живёшь неправильно и начинаешь творить глупости, не удивляйся, когда придут братья твоей жены и нададут тебе по заслугам. Если кому-то здесь жаль Шэнь Чжигао — пожалуйста, можете пойти

и получить побои вместо него. Лично у меня нет никакого желания позориться таким образом. Думаете, наши деревни и дальше смогут породниться, если подобные дела не будут решаться как следует?»

Большинство жителей деревни толком не понимали разницы между изгнанием и разводом по обоюдному согласию. Они знали лишь одно: супруги расходятся, а это было большой новостью. Толпа тут же взорвалась шёпотом, полным потрясения.

«Староста прав — вся семья Шэнь, должно быть, сошла с ума. После такого позора кто из окрестных деревень осмелится породниться с ними? Да и Шэнь Чжуан уже не маленький мальчик — теперь ему будет трудно найти пару. Мы-то не такие, так что, староста, тебе лучше всё как следует объяснить людям из деревни Шицю».

«Мы все порядочные люди, мы бы не сделали ничего настолько бесстыдного, как Шэнь Чжигао».

«Дядюшка Шэнь — дурак. Вдова Ли вовсе не славится добродетелью. Вот увидите, в семье Шэнь после этого будет ещё немало скандалов».

Голоса сплетен перелетали через стену двора, пока Шэнь Цин заходил в свою комнату собирать вещи.

У него почти ничего не было — вся одежда была старая и изношенная, заштопанная столько раз, что заплатки лежали одна на другой. Рукава и штанины были короткими. Одежал было всего два, тонких, с комковатым, сбившимся хлопком внутри. Шэнь Цин завернул одежду в одеяла, аккуратно скрутил их в рулон, затем просунул руку в отверстие под столом, нащупывая что-то в тайнике.

«Что ты делаешь?» Мяо Ши уже закончила сборы. У неё тоже было немного вещей, поэтому она быстро связала их в небольшой узел из ткани. С узелком в руках она подошла посмотреть, что делает Шэнь Цин.

Он некоторое время шарил в темноте, а затем вытащил связку медных монет, покрытых пылью. Около двух-трёх сотен вэней, аккуратно нанизанных на хлопковую нить.

У Мяо Ши сердце едва не выпрыгнуло из груди. Она поспешно накрыла монеты ладонью и встревоженно прошептала: «Откуда у тебя эти деньги?»

В семье Шэнь они стояли на самом дне иерархии, делали всю самую тяжёлую и грязную работу, не видя ни одного гроша. И вдруг Шэнь Цин достаёт такую сумму — она испугалась, что он украл эти деньги.

«Я сам их заработал. Рубил дрова в горах и носил в город на продажу. Одна вязанка стоит тридцать вэней. Иногда ловил диких кур или кроликов — если они были живые, их можно было выгодно продать».

Шэнь Цин отдал деньги Мяо Ши и серьёзно сказал: «Мама, не волнуйся. Я умею зарабатывать. С этого дня я сделаю так, чтобы ты жила хорошо. Ты больше никогда не будешь страдать».

Услышав, что деньги заработаны честно, Мяо Ши наконец немного успокоилась. Но тут у неё защекотало в носу, и глаза наполнились слезами.

Жизнь в доме семьи Шэнь была тяжёлой — настолько, что они часто ложились спать

голодными. Шэнь Цин всегда убегал в горы и иногда приносил птичьи яйца или дикие плоды, тайком делясь ими с ней. Она уже тогда считала это удивительным. Но теперь поняла: её сын был куда способнее, чем она думала. Он сумел заработать такие деньги.

Она могла лишь представить, сколько лишений ему пришлось пережить, чтобы накопить эту сумму.

В те времена даже крепкий работяга без связей едва мог заработать в городе сто-двести вэней в месяц, перебиваясь случайными подработками. Кто знает, сколько времени её сын копил эти деньги?

Глядя в ясные, решительные глаза сына, Мяо Ши, которая всё это время жила в страхе и неопределённости, не видя никакой надежды на будущее, наконец по-настоящему почувствовала покой.

В этот миг в её сердце поднялась волна смелости и твёрдой решимости начать новую жизнь.

«Хорошо, — сказала она, крепко сжимая руку сына. — Мать верит тебе. С этого дня мы будем жить своей жизнью. И жить мы будем лучше, чем в доме семьи Шэнь».

<http://bllate.org/book/14994/1327140>